

Оуян к этому времени уже встал, но его одежда с утреннего собрания была изрядно помята, поэтому пришлось послать за Таохун и Люлюй, чтобы они принесли ему повседневный наряд.

Ци Юньхэн отвел взгляд от одежды Оуяна, одновременно отбросив мысль о том, чтобы снова разорвать и снять этот наряд, и протянул руку, помогая Оуяну подняться с кушетки.

— Пойдём, я отвезу тебя обратно, — тихо сказал он.

Вернувшись в Летний дворец, повара уже начали готовить ужин.

Добавив в меню молочные паровые пирожные, Оуян попросил евнуха Вэя помочь ему найти в дворцовых кладовых красивые керамические банки, чтобы наполнить их коричневым сахаром, белым сахаром, молоком и белой мукой, по шесть штук каждого, и отправить вместе с пирожными шести министрам.

Ци Юньхэн редко видел Оуяна таким щедрым, особенно по отношению к людям, с которыми у него не было никаких связей, и двое из них даже недавно с ним спорили. Он поднял бровь и спросил:

— Ты это что, подарки даришь?

— Да, я просто хочу их подкупить, — откровенно признался Оуян.

Ци Юньхэн не ответил, нахмурившись и пристально глядя на него.

— Серьёзно, это просто подкуп, — Оуян с лёгкой улыбкой объяснил. — Ты ведь хочешь, чтобы я взял под контроль внутренние финансы? Эти вещи — просто подготовка, чтобы они не мешали.

Видя, что Ци Юньхэн всё ещё сомневается, Оуян продолжил:

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Нужно, чтобы они поняли, что это хорошие вещи, чтобы в будущем они не создавали проблем для Управления внутреннего двора.

— Ты хочешь, чтобы Управление внутреннего двора занималось этим? — спросил Ци Юньхэн.

— Пока это только начало, до настоящего бизнеса ещё далеко, — не стал отрицать Оуян. — Сейчас у тебя ограниченные возможности для заработка, а императорское поместье — это самый быстрый и наименее вызывающий способы. Я планирую в ближайшие дни осмотреть поместье, всё тщательно изучить и, как только наступит весна, сразу же приступить к делу.

Слова Оуяна были не совсем правдивы.

Коричневый и белый сахар, которые он предоставил, были присланы его людьми с юга, где выращивают сахарный тростник. А сахарный тростник можно выращивать только на юге; если посадить его на севере, он, как говорится, «на юге будет апельсином, а на севере — горьким апельсином», и неизвестно, что из этого выйдет.

Но у него также были семена сахарной свеклы, собранные его людьми на севере, которые прекрасно росли к северу от столицы. Хотя производство сахара из свеклы не так просто и удобно, как из тростника, и его сложнее очистить, если снизить стандарты, можно производить не самый красивый, но достаточно вкусный сахар.

Хотя бизнес Управления внутреннего двора рано или поздно станет высокодоходным и монопольным, на начальном этапе слишком большая прибыль может легко вызвать

негативную реакцию у министров, которые без разбора начнут критиковать, что серьёзно затруднит развитие Управления.

Именно поэтому Оуян наметил для Управления внутреннего двора начальный план «самоокупаемости» — независимо от того, будет ли прибыль и сколько, в первые три года в бухгалтерских книгах не должно быть явных излишков или убытков — и то, и другое привлечёт внимание министров к Управлению, а только нейтральный баланс снизит его заметность в правительстве, минимизируя внимание.

Таким образом, некоторые качественные, но недорогие продукты, которые не могут быть произведены простыми людьми, стали идеальным выбором.

Как говорится, учёные, крестьяне, ремесленники и торговцы. Если император, стоящий выше всех, займётся торговлей, это будет воспринято как снижение его статуса; но если он займётся сельским хозяйством, его будут хвалить как пример для всех. А как сельскохозяйственные продукты через ремесленников попадут в торговлю, люди этого времени редко задумываются или даже не думают об этом.

Ци Юньхэн сегодня очень старался помочь Оуяну, что вызвало у последнего «глубокую благодарность». И то, что он мог сделать для Ци Юньхэна, — это выполнить свои обязанности с максимальной ответственностью, чтобы не создавать ему дополнительных проблем.

Что касается случайного подношения нефритовой печати, Оуян уже забыл об этом.

Даже если это была не случайность, он не стал бы и не осмелился бы требовать благодарности.

Говорить с императором о благодарности — это самоубийство.

Даже если ты оказываешь милость, это должен делать император. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он понял, что ты чувствуешь себя обязанным. И ещё хуже — если он поймёт, что ты считаешь, что ты ему обязан.

Если случится последнее, то ты недалёк от гибели семьи и собственной смерти.

Оуян смотрел на Ци Юньхэна, ожидая, что тот спросит его о деталях плана, но они долго смотрели друг на друга, и первым отвел взгляд Ци Юньхэн.

— На самом деле, я мало что знаю о сельском хозяйстве и жизни народа, — с лёгкой неловкостью признался он.

Ци Юньхэн родился в семье герцога, с детства жил в роскоши, и даже в самые трудные времена его трудности были скорее духовными, чем материальными.

Оуян слегка удивился, а затем рассмеялся.

— Жизнь народа, по сути, сводится к четырём словам: есть и есть хорошо. Если добиться этого, то воцарится мир, и страна будет процветать вечно.

— Слова Чуньяня действительно интересны, просты и понятны, — сразу же заинтересовался Ци Юньхэн.

— Это просто выводы из опыта.

Оуян подумал так, но не мог сказать это Ци Юньхэну.

— На мой взгляд, всё в мире сводится к двум вещам, — сказал Оуян. — Первое — это когда слишком много еды, и это вызывает проблемы; второе — когда не хватает еды, и это вызывает голод. Дела в правительстве чаще относятся к первому; дела среди народа — ко второму. Но хотя я понимаю это, я не знаю, как решить эту проблему. Ведь заставить министров голодать и накормить народ — это древние проблемы, которые до сих пор не решены.

Сказав это, Оуян развёл руками, показывая своё бессилие.

Ци Юньхэн не сразу ответил, несколько раз повторив про себя «есть и есть хорошо», а затем поднял бровь:

— Я понял, что ты имеешь в виду. Чувство голода я тоже испытывал, и оно действительно может заставить людей идти на риск и создавать хаос.

— Ты тоже голодал? — удивился Оуян, невольно отклонившись от темы.

— Во время военных походов бывали случаи, когда снабжение прерывалось или не хватало провизии, — кивнул Ци Юньхэн. — Даже если таких проблем не было, иногда не было времени или возможности приготовить еду.

— Кстати, с тех пор как Чжу Бянь присоединился ко мне, проблемы с едой стали реже, — начал рассказывать Ци Юньхэн, увлекшись воспоминаниями. — Чжу Бянь — настоящий универсал, особенно когда дело доходит до поиска еды. Даже в пустыне он может найти что-то съедобное. Жаль только, что его характер немного... своеобразен, как и у тебя, и он это понимает, поэтому сам отказался от поста премьер-министра и ушёл в Министерство наказаний, где может развивать свои интересы.

— Эй! — недовольно возразил Оуян. — Сравнить меня с ним, ты что, издеваешься? погоди, ты ведь не скажешь, что твоя жестокая расправа с семьёй супруги Сунь — это его идея?

— Чунъянь считает, что это плохое решение? — удивился Ци Юньхэн реакции Оуяна.

— Смотря с какой стороны посмотреть, — пожал плечами Оуян. — Лично мне кажется, что это как резать тупым ножом — жестоко, коварно и подло — конечно, я тоже не имею права смеяться над другими.

Оуян никогда не считал, что оставить человека в живых — это милосердие, и не думал, что унижить врага — это месть. Поэтому его метод расправы с врагами всегда был один — быстрый и окончательный.

Короче говоря, он давал своим врагам быструю смерть, но не оставлял им шанса на жизнь.

Предпочтения Оуяна в цветах оставались неизменными на протяжении десяти лет. Хотя в общественных местах он носил тёмные, сдержанные цвета, подходящие для взрослых мужчин, его домашняя одежда всегда была разных оттенков красного и зелёного. Надетый на него сейчас наряд был ещё более ярким, чем багряный костюм с утреннего собрания, и, сочетаясь с его белоснежным лицом, словно лицом юноши, создавал впечатление кроваво-красного и снежно-белого, настолько свежего, что хотелось подойти и укусить.